

— Ты! — Чжоу Хань, нахмурившись, с вызовом обратился к вошедшему. Тот, весело усмехаясь, уселся на стул напротив Чжоу Юя и, не дожидаясь приглашения, налил себе чаю. — Ну что, неужто твой господин ни разу обо мне не упоминал?

Чжоу Юй улыбнулся, потянул Чжоу Ханя за рукав в сторону и произнёс:

— Хань-эр, поскорее поприветствуй господина Лу Цзицзина, Лу Су.

Чжоу Хань изумлённо распахнул глаза. Оказалось, перед ним стоит тот самый знаменитый добродетельный мудрец из Линьхуая! Он поспешно отвесил поклон:

— Прошу прощения за невежество. Не знал, что это вы, старший господин Лу.

Лу Су, друживший с Чжоу Юем ещё со времён учёбы, лишь отмахнулся с улыбкой:

— Пустяки. К тому же, я не столь известен, как ваш молодой господин.

Чжоу Юй, редко позволявший себе так открыто веселиться, рассмеялся:

— Не говори ерунды. Если бы не ты, бедняков в Поднебесной было бы куда, куда больше.

Лу Су, увидев старого друга, с которым не встречался целую вечность, пришёл в полный восторг. Приятели завели оживлённую беседу, то и дело прерываясь на весёлый смех.

— Кстати, — вдруг вспомнил Лу Су, — как у вас с господином Сунь Цэ дела? В народе ведь говорят, что вы неразлучные братья?

— Да, это так, — Чжоу Юй сделал вид, что пьёт чай, чтобы скрыть участившееся сердцебиение. Его лицо слегка покраснело.

Лу Су нахмурился, почувствовав неладное, а Чжоу Хань, зная об их близких отношениях, решил воспользоваться случаем и подлить масла в огонь:

— Ой, наш молодой господин...

— Чжоу Хань! — рявкнул Чжоу Юй, густо покраснев. Услышав своё полное имя из уст молодого господина, Чжоу Хань застыл, не смея пошевелиться.

Лу Су заинтриговался ещё больше:

— Что случилось?

— Просто то, о чём ты говорил — отношения близких братьев, — Чжоу Юй произнёс это твёрдо и чётко, пытаясь унять бешено колотившееся сердце.

Поняв, что сплетен не добиться, Лу Су оставил эту тему и переключился на другие вопросы.

Тем временем Сунь Цэ, узнав от стражи, что в комнату Чжоу Юя вошёл какой-то знатный господин и они там вместе пьют вино и беседуют, пришёл в дурное расположение духа. Забыв о правилах приличия, он ворвался внутрь.

Распахнув дверь, он увидел, что Лу Су и Чжоу Юй сидят вплотную, склонившись над какой-то шкатулкой. Сунь Цэ, пылая яростью, подскочил к ним, растолкал их и прорычал:

— Гунцзинь, кто он такой? Почему вы сидите так близко и что рассматриваете?

Лу Су, узнав Сунь Цэ, поспешно поклонился:

— Приветствую юного генерала Сунь. Я старый друг Гунцзиня, Лу Цзицин. Мы как раз смотрели подарок, который я подготовил для вас.

— А, так это ты, Лу Цзицин, славящийся своей щедростью? Ну и что за подарок? — Сунь Цэ с шумом опустился на стул и принялся изучать шкатулку. На вид — самая обыкновенная, ничего примечательного.

— Сушья мелочь, — Лу Су медленно приоткрыл крышку. Внутри, покоясь на мягкой ткани, лежала флейта. — Это изделие из императорского дворца эпохи Хань, попавшее ко мне десятки лет назад. Говорят, она вырезана из цельного нефрита. Примите её в знак моего глубокого уважения.

— Хм, антиквариат, значит, — Сунь Цэ безразлично захлопнул крышку. Его сейчас куда больше волновало другое: с какой стати этот Лу Су так льнёт к Чжоу Юю? Даже если они друзья детства, это не повод сидеть так близко!

Чжоу Юй незаметно наступил Сунь Цэ на ногу. Тот в ответ одарил его сердитым взглядом. Чжоу Юй поспешно улыбнулся Лу Су:

— Твою доброту юный генерал Сунь принимает с благодарностью.

Видя, что ему здесь не очень-то рады, Лу Су поклонился:

— Тогда я откланяюсь. Гунцзинь, юный генерал Сунь, до встречи.

Когда Лу Су ушёл, Сунь Цэ раздражённо бросил:

— Его прислал отец? По виду — никакого таланта.

— Твой кругозор так узок? Лу Цзицин не из тех заурядных отпрысков знатных семей. У него широкая душа и дар красноречия, в будущем он непременно добьётся великих свершений, — нахмурился Чжоу Юй, открывая шкатулку и любуясь изящной флейтой.

Сунь Цэ, хоть и не был столь сведущ в музыке, как Чжоу Юй, не был невеждой. Он видел, что флейта Чжоу Юю очень нравится, и от того, что её подарил другой, на душе стало кисло. Он выхватил флейту и сунул её за пазуху — такой вещью Чжоу Юй владеть не должен.

Чжоу Юй, восхищённый инструментом, невинно захолопал глазами:

— Эй, Бофу, если она тебе не нужна...

— Кто сказал, что не нужна? Мне как раз не хватало флейты, чтобы сыграть дуэтом с Гунцзинем, — Сунь Цэ прекрасно понимал, что Чжоу Юй положил на неё глаз. Если сейчас не вмешаться, не станет ли он засматриваться и на того, кто её подарил?

— Ты? Да ты только хвастаться умеешь, — усмехнулся Чжоу Юй, не веря ему.

Сунь Цэ, задетый за живое, приложил тонкие губы к флейте, и мгновенно в комнате зазвучал мелодичный, чистый мотив.

В то же время Лу Су стоял на коленях перед Сунь Цзянем, склонившись в глубоком почтении. Сунь Цзянь с довольным видом поднял его:

— К чему такие формальности? Только создаёшь дистанцию между нами.

Лу Су поднял голову и улыбнулся:

— Давненько не виделись, господин, а вы всё так же бодры духом.

Сунь Цзянь взмахнул рукой:

— Оставь лесть, Цзицзин. Я постарел. В будущем тебе придётся помогать моему непутёвому сыну.

Лу Су склонил голову, вспоминая порывистый нрав Сунь Цэ, и почтительно ответил:

— Слушаюсь.

В четвёртом месяце, во время праздника Цинмин, поле битвы окрасилось кровью. Среди неразберихи и гор трупов Сунь Цзянь преследовал врага в глубине леса, но был сражён шальной стрелой. Перед самой смертью он всё повторял:

— Цэ-эр, мой славный сын... Клан Сунь... теперь в твоих руках...

— Отец!

В ту ночь небо сотрясали громы и молнии, бушевал ураган. Одежда Сунь Цэ пропиталась кровью, лицо стало серым, как пепел. Под ледяным ливнем, который безжалостно хлестал его, он стоял неподвижно, не слушая ничьих уговоров.

Сжимая в руках холодное копье, Сунь Цэ угрожал воинам: любой, кто осмелится подойти, поплатится жизнью. Он стоял у гроба, не евший и не пивший три дня и три ночи. Наконец старые генералы и представители знати, скрепя сердце, обратились к Чжоу Юю с мольбой уговорить Сунь Цэ принять неизбежное и взойти на пост владыки Цзяндуна, чтобы сплотить армию.

Чжоу Юй поначалу оставался безучастным, но когда к нему обратились, отложил военные книги и отправился к Сунь Цэ. Он намеренно хотел показать всем, что Сунь Цэ — человек доблестный, мудрый и глубоко чтящий сыновний долг. Такой человек непременно добьётся великих свершений, следовать за ним — верный путь. Но никто из них не способен укротить его, никто не смеет подойти, кроме меня, Чжоу Юя. Ведь единственный знатный клан, который по-настоящему ценит господин, — это мой клан Чжоу.

Сбросив военный халат, Чжоу Юй в одном простом одеянии вышел под проливной дождь. Сунь Цэ настороженно сжал оружие, но, узнав Чжоу Юя, медленно разжал пальцы. Он нахмурился, разглядывая друга: ни зонта, ни плаща, одежда тонкая, глаза широко раскрыты, волосы промокли и разметались по плечам.

Сунь Цэ бросил копье, снял свою верхнюю одежду и накинул её на плечи Чжоу Юя, тихо спросив:

— Ты решил угрожать мне собственной жизнью?

Чжоу Юй слабо улыбнулся:

— Слуга не смеет угрожать господину.

Сунь Цэ остолбенел. Чжоу Юй назвал его господином! Мозг Сунь Цэ отказывался это воспринимать. Конечно, слово господин звучало приятно, но ценой за это стала жизнь его отца! Сунь Цэ схватил Чжоу Юя за горло, притянул ближе и прорычал:

— Не называй меня так. По крайней мере сейчас... не надо...

Чжоу Юю стало трудно дышать. Впервые в жизни Сунь Цэ был так сильно на него разгневан. Но именно такого эффекта он и добивался — даже если Сунь Цэ его возненавидит, он должен стать твёрдым правителем Восточного У.

Чжоу Юй не сопротивлялся, глядя на Сунь Цэ с тихой улыбкой. Тот замер — неужели он его не боится? Сунь Цэ медленно отпустил его шею, затем схватил за руку и, можно сказать, поволок

в лагерь, чтобы укрыться от дождя. Он громогласно объявил всем вокруг:

— С сегодняшнего дня Чжоу Юй — Великий дуду нашей армии. Видеть его — значит видеть меня.

Все воины тут же упали на колени перед ними, выкрикивая:

— Приветствуем юного господина! Приветствуем Великого дуду!

Знать начала шептаться: молод, совсем зелен, с чего вдруг стал Великим дуду? Неужто их отношения — это нечто большее, чем просто побратимство?

Сунь Цэ же вернулся в свой шатёр и заперся. Все решили, что он скорбит по отцу, и лишь Чжоу Юй видел его смятение и страх — ему тоже была нужна поддержка. Чжоу Юй вошёл в шатёр и увидел, что Сунь Цэ сидит, низко опустив голову.

— Остайся, прислужи мне, — сказал Сунь Цэ.

Увидев Чжоу Юя, он не проронил ни слова, но в глазах читался немой вопрос. Чжоу Юй почувствовал досаду — как быстро между ними легла тень! В будущем, когда Сунь Цэ станет владыкой Цзяндуна, а он — лишь подданным, расстояние станет ещё больше. Чжоу Юй сел рядом и спросил:

— Господин ненавидит меня?

Сунь Цэ нахмурился, не отвечая. Чжоу Юй опустился перед ним на колени, вытащил кинжал и направил острие на себя:

— Если так, позвольте мне уйти из жизни. Приказ господина — закон для слуги.

Сунь Цэ в ярости выбил кинжал из его рук. Он схватил Чжоу Юя за руки, заставил подняться и, впившись взглядом в его глаза, спросил:

— Мой отец только что скончался, а ты, как и все остальные, принуждаешь меня взойти на престол. Твои слова о том, что я господин, лишь подчёркивают, как далеко мы стали друг от друга. Я не хочу этого слышать, а ты ещё и угрожаешь смертью... Ты ведь знаешь, как я к тебе... как я... крайне дорожу тобой...

К концу фразы голос Сунь Цэ стал тише, а выражение лица смягчилось. Чжоу Юй в испуге округлил глаза и, не давая ему договорить, прижал ладонь к его губам:

— Бофу, у стен есть уши.

Чжоу Юй боялся, что Сунь Цэ наговорит лишнего, и те, кто жаждет власти, услышат это. Он боялся знатных кланов, которые будут попрекать Сунь Цэ нормами приличия, и боялся своих собственных чувств.

Чжоу Юй нарочито громко добавил:

— Господин Сунь относился ко мне как к родному сыну. Ты страдаешь, но моё сердце болит ещё сильнее. Мы должны вновь собрать силы, я хочу видеть, как ты... — он поднял голову и с сияющей улыбкой добавил тише: — Как ты, Бофу, взмахнёшь кнутом и покоришь эти земли.

Сунь Цэ выслушал его и успокоился. Он понял, что Чжоу Юй полагается на него, и почувствовал к нему бесконечную нежность. В конце концов, всё, что тот делал под дождём, было ради него. Сунь Цэ понял, что должен продолжить путь отца — ради него, ради народа Цзяндуна, ради клана Чжоу и других семей, и ради клятвы, данной Чжоу Юю в детстве. Может, тот и забыл, но Сунь Цэ помнил каждое слово.

Чжоу Юй собрался уходить, но Сунь Цэ тихо сказал:

— Не спеши. Остайся со мной ненадолго.

Чжоу Юй был разочарован, что всего ненадолго, но, обернувшись, увидел, что Сунь Цэ снял верхнюю одежду, обнажив крепкую грудь. От увиденного его бросило в жар, и он начал запинаться:

— Ты... ты... это...

Сунь Цэ взял кувшин вина и нахмурился:

— Что я? Вся одежда промокла... Тебе что, не холодно?

Чжоу Юй опешил. А, так он снял её потому, что промок! Чжоу Юй заставил себя успокоиться. Нет, я ничего такого не подумал.

— Эй, ты что, простудился и теперь совсем соображать перестал? — Сунь Цэ уже подошёл к нему и начал расстёгивать его одежду. Чжоу Юй в ужасе прикрылся руками:

— Не трогай меня, бесстыдник!

Сунь Цэ рассмеялся:

— Бесстыдник? Мы оба мужчины, к тому же я просто боюсь, что ты заболеешь, ничего большего я не замышлял. Почему это бесстыдство?

Чжоу Юй опустил взгляд, стараясь не паниковать. Сунь Цэ, должно быть, не имел в виду ничего дурного. Он покраснел и пробормотал:

— Я сам. Не подходи.

Они сидели, попивая вино в тишине. Наконец Сунь Цэ не выдержал:

— Ты... с этого момента будешь видеть во мне только господина?

Чжоу Юй приподнял бровь и улыбнулся:

— А кем ещё мне тебя видеть? Ты теперь правитель, а я — подданный... — В глубине души он противился этому, но понимал — такой день должен был настать.

Сунь Цэ молча смотрел на него. После этой ночи он будет почитать его как господина. Как иронично. Неужели он забыл всё, что было в детстве? Какое холодное сердце...

Глубокой ночью пьяный Сунь Цэ начал требовать, чтобы Чжоу Юй остался и прислужил ему. Чжоу Юй, криво усмехнувшись, отобрал у него кувшин, уложил на кровать и помог укрыться.

Но стоило ему повернуться, чтобы уйти, как Сунь Цэ мёртвой хваткой вцепился в его рукав. С закрытыми глазами и нахмуренными бровями он пробормотал:

— Чжоу Гунцзинь, какая дерзость. Я хочу, чтобы ты был рядом, а ты смеешь ослушаться моего приказа.

Чжоу Юй горько усмехнулся. Он опустился на корточки у края кровати и мягко произнёс:

— Я никуда не уйду, я здесь...

Сунь Цэ приоткрыл глаза, словно немного протрезвев, и потянул его за рукав:

— Гунцзинь, не уходи, побудь со мной...

Слуги, ждавшие снаружи, переглядывались. Господин до сих пор не звал их, а до них доносились странные фразы, будто он требует, чтобы Чжоу Юй остался прислуживать.

В этот момент за их спинами появился другой советник, немногим старше Чжоу Юя. Сначала он был спокоен, но, услышав перешёптывания слуг о слишком близких отношениях между господином и дуду, пришёл в ярость:

— Кто дал вам право распускать языки?!

Все обернулись — это был господин Лу Су. Слуги в страхе попятились и поклонились.

Лу Су откашлялся и продолжил:

— Наш господин обладает и талантом, и доблестью, а Великий дуду Чжоу — непревзойдённым умом. Они побратимы с самого детства, называют друг друга братьями, их дружба не чета нам. В нынешние смутные времена только господин может спасти Поднебесную. Если вы посмеете ещё хоть раз очернить его, я сам вырву ваши собачьи языки.

Слуги пали на колени, умоляя о пощаде. Лу Су приказал:

— Отныне без приказа в шатёр господина не входить. Убирайтесь!

Когда все разбежались, Лу Су подошёл к шатру и тихо позвал:

— Господин, дуду, это полковник Лу Цзицзин, есть важное дело.

Спустя некоторое время слышались торопливые шаги. Дверь отворилась, и на свет лампы вышло лицо Чжоу Юя — немного заспанное, с запахом вина. Посмотрев вниз, Лу Су оцепенел: на Чжоу Юе были только штаны и накинутый на плечи военный халат.

В голове у Лу Су пронеслись самые разные мысли. Он робко спросил:

— Столько лет не виделись, Гунцзинь, ты стал... э-э...

Чжоу Юй в панике попытался оправдаться:

— Нет, Цзицзин, всё не так! Господин только что наследовал власть, мы немного выпили, он устал, я как раз собирался уходить...

Тут из глубины шатра раздался пьяный голос Сунь Цэ:

— Юй-эр, пить хочу, принеси чаю...

Лу Су и Чжоу Юй застыли на месте. Не зная, что сказать, они молчали, пока Сунь Цэ снова не позвал:

— Юй-эр, я хочу пить...

Чжоу Юй покрылся потом, не смея пошевелиться. Лу Су неловко рассмеялся:

— Э-э, дуду, вы занимайтесь, я подожду.

Чжоу Юй не успел поблагодарить его за понимание и бросился внутрь, чтобы напоить пьяного генерала. Уложив Сунь Цэ спать, он привёл себя в порядок и вышел к Лу Су.

Лу Су уже забыл, о чём хотел говорить. Видя покрасневшее лицо Чжоу Юя, он поторопился сказать:

— Господина нет, но передайте ему: передовые отряды просят разрешения вернуться в Цзяндун, чтобы предать земле тело покойного господина. Это важно для духа армии, пусть примет решение.

Чжоу Юй кивнул:

— Как только А-Цэ проснется, я сразу сообщу.

Лу Су онемел. Чжоу Юй лишь спустя мгновение понял, что сказал «А-Цэ» при постороннем. Он привык так называть его с детства и теперь не знал, как исправиться.

Лу Су, как верный друг, не удержался от совета:

— Гунцзинь, каковы ваши отношения с господином?

Чжоу Юй, чувствуя, как потеют ладони, ответил:

— Господин и подданный.

— Если вы господин и подданный, то почему называешь его по имени? Разве это прилично? — нахмурился Лу Су.

Чжоу Юй, хоть и был недоволен, вынужден был ответить:

— Нет.

Лу Су вздохнул:

— Слухи уже расползлись повсюду. Ты должен беречь свою репутацию. Если вы теперь господин и подданный, то так должно оставаться всегда.

Слова Лу Су пронзили сердце Чжоу Юя, словно лезвие. Он не мог показать свою боль и ответил:

— Цзицзин прав, я запомню.

Лу Су многозначительно взглянул на него и, похлопав по плечу, добавил:

— Просто будьте рядом, этого достаточно.

После ухода Лу Су Чжоу Юй остаток ночи провёл рядом с Сунь Цэ, так и не сомкнув глаз. Под утро он уснул, прислонившись головой к краю кровати.

На обратном пути Сунь Цэ заметил, что при посторонних Чжоу Юй ведёт себя скованно и держит дистанцию. Ему это не понравилось, и он запретил обсуждать Чжоу Юя. Хотя в армии больше никто не смел открыто говорить об этом, все прекрасно понимали: господин Сунь Цэ во всём потакает Чжоу Юю.

Однажды один из матросов по ошибке слишком рано свернул парус, из-за чего судно отклонилось от курса и едва не попало в зону прилива. Лишь благодаря своевременному вмешательству Чжоу Юя и его чётким командам удалось вернуть корабль на путь. После этого он строго запретил самовольно сворачивать паруса, и никто не осмелился спорить — ведь его

доводы были безупречны.

<http://bllate.org/book/22340/2340627>